

ВОЛЬНАЯ ВОЛЯ

История придумана, совпадения с реальной жизнью случайны

А места по Чарышу – только что здешние жители знать не могут, какая красота их окружает. Привыкли. Чуть горы сположились – и растёкся по долине Коргон, делясь на рукава и затоки. Немного ему осталось до устья, до Чарыша. И удивишься, пройдя вверх по Коргону всего ничего, – мощными стенами взметнулись утёсы, зажимая в узкое ущелье осердившуюся на несвободу реку – тёмную, бурливую, опасную. Правый берег, весь в зарослях багульника, акации, таволги, иван-чая и прочей зелени, окружающей могучие лиственницы и кедры, подольше держится пологим, но вскоре и он переходит в отвесные скалы, которые тысячи лет грызёт и никак не источит свирепый ледяной поток.

Что до местных жителей – их всего-то одна семья. Хозяин, Евгений, до недавнего времени был пасечником от колхоза, но пчелиный клещ за месяц извёл всю пасеку, не пощадив ни одного улья. Колхоз не стал восстанавливать пчелиное – хозяйство, не до того. Начал он ссыхаться и падать, как и вся большая страна, слывшая ещё пару лет назад могучей державой. Насчёт страны Евгений имел смутное представление, поскольку жил без света, радио и газет. Поудивлялся безразличию к себе и к пасеке колхозного начальства, потом привык. Приходили мужики из деревни, говорили, что работа осталась только на маральнике, и доход от него делят меж собой всё те же начальники. А им, мужикам, ни дела, ни заработка, вот рыбачить ходят, хариуса таскать.

Понял Евгений, жить ему подворьем, огородом да незаконным таёжным промыслом. Прокормятся. Только вот на что ребятишкам одежду справлять? Двоим в школу к осени собираться, младший пока при нём.

Особая забота – старшая дочь, Евгения. Школу она закончила в прошлом году и застряла дома – ни работы, ни учёбы, ни женихов, всё не про них, всё где-то там, за горами. День ото дня прибывает тоска в её огромных бирюзовых глазах. Ни у кого из ребятишек нет такой радужки – серо-зелёные да жёлтые – в мать и в отца.

– Вот тебе брат родной, – в шутку сказал отец в один из прозрачных сентябрьских дней, показав на Коргон, вода в котором присела, утихла и высветилась той самой бирюзой.

– Брат, – тихо повторила она, и у Евгения горестно сжалось сердце. Любит он её неистово, с трудом не пуская эту любовь наружу. И сам себе удивляется: откуда это в нём, заскорузлом трудяге – таёжнике, отце четверых чад, из коих, как говорят, любимые – меньшие. Жена Галина, неутомимая хозяйка, упрямая, зато беззлобная, говорит порой:

– Это ты меня недолюбил.

– Я? Тебя?

Он смеётся и упирает палец в свой нос, чересчур широкий, весь в конопатинах. Рыжий, – жёсткие вихры огненного цвета, такая же борода, руки, ноги, спина – весь. Рыжим звали его в детстве, так кличут за глаза и теперь. Ну кому я ещё такой нужен? – говорят его жёлтые глаза. – И как мне тебя не любить, если другой я и не знал никогда.

Галина, тоже деревенская, только родом из степного Казахстана, удивляется.

– Как ты такой получился? Руки золотые, работающий, а во всём остальном...

Деревенские мужики другие...

– Ну да, пьют, ругаются, дерутся...

– Не в том дело, – отмахивается она. – Вот скажи, имя Евгений – кому это в деревне придёт в голову назвать так – что парень, что девка.

– Учитель у нас был городской, Евгением звали. – И он замолкает ненадолго, вспоминая. – Думаешь, многим хотелось, чтобы их дети так же всю жизнь с вилами, в навозе, под коровой или на тракторе?

И сам пугается, потому как своих четверо, с ними как? Раньше хоть был какой-никакой выбор...

– Пойдём харюзов дразнить, – зовёт Евгению, и она молча начинает собираться. Словами – ни да, ни нет.

Пройдя немного вверх по течению, он оглядывается. Усадьба устроена на ровной площадке, огороженной с трёх сторон старыми вёслами. Отсюда, сверху, видны, как на ладони, дом, большой сарай с овином, стайка с пригороженным к ней загон, в нём две коровы, тёлка, подтёлок, бычок, огород с цветущей картошкой... А дальше долина расширяется, уходит по ней от основного русла один из рукавов Коргона, спокойный, неторопливый. Горизонт в ту сторону недалёк, его обозначают сглаженные, сплошь зелёные горы, скорее напоминающие холмы. И всё-таки для человека, выросшего в горах, простор открывается взгляду великий.

– Воля вольная! – говорит он с нарочитым восторгом и подталкивает Евгению. – Глянь-ка!

Но та, едва посмотрев в сторону, указанную отцом, отворачивается. Ну чем её подбодрить, как? Не знает он.

Налаживают снасти, стоя на огромных валунах, за которыми сбивается, сбавляет ход мощное течение, – метрах в десяти друг от друга. На ловле хариуса не присядешь: надо точно закинуть мушки, изготовленные из петушиного пера, под определённым углом сделать проводку, чтобы поводка как раз хватало до поверхности воды, иначе насадка или потонет или будет болтаться в воздухе. Хитрая рыба хариус, осторожная – чуть что не так, не по природе – не подойдёт. И в то же время атакует мушку с крючком резко, без подготовки. Поклёвки, как правило, не видно, рыба даёт знать о себе мощным ударом, чувствительно отдающим в руку.

Евгений поймал первого, так себе, средненький, граммов на двести. Бьётся в руке, в отличие от других рыб, будто бы не телом, а сердцем, и сердце это – он весь.

– Слышь, Женя, а сердце у рыб есть?

В ответ она пожимает плечами, и отец тут же начинает ругать себя: у них же биологии два последних года не было, учительница сбежала. Другие по два, а то и три предмета вели, от биологии все отказались – не первой важности предмет.

– Не первой! – тихо сердится он. – Живём-то среди сплошной биологии. Начинает вспоминать, кто из одноклассниц дочери, недоученных по доброй половине школьной программы, поехал учиться дальше. Дочь главбуха, дочь управляющего маральником, сын участкового, племянник председателя... Вроде все, больше никому. И вот ведь несправедливость какая! – с досадой он обращается к себе. – У него все учителя были, даже в английский кружок ходил, закончил школу чуть не отличником. Пожалуйста, вот тебе направление от колхоза, поезжай хоть в область, хоть в край, будешь зоотехником, лишь бы как-нибудь вступительные экзамены сдал, на троечки. Не хочешь зоотехником – ради бога, иди в агрономы, в бухгалтеры... А может, в учителя? Не надо! Ему и тут хорошо. И так, без образования вашего. Ведь и вправду – хорошо. Ему. Хорошо. Было. У-у-у! – завывать хочется во весь голос. Ну почему так! Надо всё это не ему и не тогда!.. У рыбы сердце есть? – зло спрашивает у самого себя и мучительно начинает вспоминать. Рыбы – позвоночные, у них должна быть кровеносная система, значит, сосуды, значит, что-то должно толкать кровь по ним, стало быть, сердце? Или нет? Отличник хренов!

– Жень! – снова окликает дочь. – У тебя какая ниточка подмотана? Я на красную поймал.

Дочь не отвечает, и он видит, что она не рыбачит вовсе, запустила снасть в воду как попало и смотрит мимо. Бывало, облавливала отца – азартная, удачливая... Евгений, конечно, как большинство мужчин, ждал, что первым родится сын, но вышло по-другому, и он нисколько не жалел. В пять лет дочь уже ходила с ним на рыбалку, ездила за дровами, позднее сено ворошить помогала. И всё сама – ни звать, ни просить не надо было. В девять первый раз выстрелила, по банке, правда.

А вскоре и на охоту стал брать с собой, не на медведя, конечно, или марала, а козла, допустим, подстрелить, ещё какую дичь помельче. Очень уж нравилось ей рябчиков манком подзывать. И никаких тебе девчоночьих глупостей – птичку жалко, – промысел, добыча. Смотрит Евгений на неё в эти минуты, – не смотрит, любит, – и думает: тутошний человек, таёжный, не пропадёт.

Хоть бы камнерезы поскорей приезжали. Обычно они бывают в августе, когда летние дожди отгуляли, а осенние ещё не подошли. Тогда в Коргоне самая малая вода, и их огромные трёхосные машины могут переехать реку километрах в трёх отсюда вверх, по броду. Другой дороги к сухому руслу, куда весеннее половодье натаскивает нужный им камень, нет. Нынче сушь невероятная, вода пала, можно ехать прямо сейчас. Да приедут ли этим летом вообще? Раньше, бывало, прикатят – до 15 человек – шумно, весело. Обязательно пасечника навестят и всегда с подарками. Данилыч, хозяйством у них ведает, сапоги болотные привёз – в районе такие не найдёшь. Серёга, кудрявый весельчак и спортсмен, живой, неустойчивый в работе, нож охотничий подарил, сталь, говорит, любую железяку руби – ни зазубрины на нём. Вопрос особый – этот самый Серёга. Красавчик городской, с Урала откуда-то, увидел Евгению, глаза её бирюзовые – возьми и брякни:

– Во где утонуть!

Не утонул, душа твоя лёгкая, а девчонка зацепилась. Поди тут угляди, шестнадцать миновало. Показывал он ей пластинки каменные, полированные, объяснял, какой камень как называется, на что идёт. А потом водил за собой по сухому руслу, окатыши, лепёхи, валуны водой поливал, чтобы рисунок проявился, и всё твердил про поэзию камня. Евгения потом отцу рассказывала и тащила за собой по россыпям.

– Вот это коргонский порфир, серо-фиолетовый, это красный, а это – древовидная яшма, это – копейчатая. Из нашего камня, знаешь, какие изделия в Эрмитаже выставлены! – вазы, торшеры, камины...

Столько восторга было в ней, что Евгений сам загорался, высматривал какой-нибудь необычный камешек из тех, которые всю жизнь видел и не обращал внимания, – экзаменовал дочь.

– А этот как называется?

– Античная яшма, – говорила она с такой загадкой в голосе, что казалось ему, обернись сейчас к воде – и не Коргон пред тобой плещется, а далёкое Эгейское море.

– Я знаю, – сказала вскоре после того Евгения, – куда потратила бы деньги, окажись у меня их куча. Весь мир бы изъездила.

Господи! – воскликнул про себя он. – И я знаю. Тебе бы отдал.

Камешек тот он с собой забрал, положил на тумбочку под зеркалом. Белый с розоватым отливом – как молозиво – окатыш, весь разрисованный веточками.

Дендриды, окаменевшие древние растения – так ему объяснил позднее Данилыч. – А почему античная?

– Про то никому неизвестно, – молвил завхоз с той же загадочной интонацией, как тогда у Евгении. И добавил проще. – Нет ни в одном каталоге, сами придумали.

Многое узнал Евгений, когда сиживал у костерка в лагере камнерезов, щедро угощавших водкой и прочими магазинными припасами. Сами они из Колывани, знаменитого села, где двести лет назад для царских надобностей был построен большой камнерезный завод. Оттуда, вернее с горы Ревнюхи, катили огромный камень до самой столицы российской, Петербурга. Потом из этого камня получилась самая большая в мире ваза, для которой в Эрмитаже построили специальную комнату. Она и сейчас там. Про мастеров знаменитых рассказали ему, про то, что есть и нынче в Колывани улица Парижская, откуда ездил во Францию со своей вазой один из них...

– Как-то не представляю вазу из камня, – сомневался Евгений.

– А ты представь. – Данилыч подхватывал один из отобранных голышей, смачивал слюной поверхность, открывая взгляду небывалое сплетение белых и чёрных нитей на ярко-зелёном фоне. – Что там твой хрусталь! Да и не для фруктов же это, не для цветов. Декоративное изделие, понял? Для красоты интерьера.

Евгений слушал, восхищался и переходил мыслями к дочери, знавшей теперь про всё это куда больше его. Вон и коллекцию уже собрала. Серёга привёз отполированные срезы от камней, увезённых ими отсюда годом раньше. Красиво, такие узоры без полировки не разглядеть. И как тут не заболеть бедной девочке! Лучше б вас тут и не было никогда, думает порой и тут же сомневается. Всё-таки отдушина.

– Зараза этот камень! – точно следит за его мыслями Данилыч. – Они ж тут все больные, – указывает на товарищей. – Да кабы так-то, по увлечению, а то ведь уж инвалиды. Вон у Володьки, – направляет палец на рано поседевшего молчаливого мастера, – силикоз. Куда шахтёрам, они хоть что-то отплюнуть могут из своих засорённых лёгких. Каменная пыль садится намертво. – Он замолк, посуровев, закурил. – При царе подсолнечное масло поливали на камень, когда обрабатывали, оно эту пакость забирало, осаживало. Жалели людей.

Хоть бы скорее приехали, думает Евгений, глядя на дочь. Всяко нехорошо: уедут – она ещё в большую тоску впадёт. Тому, поди, в голову не придёт, что сохнет девчонка, кудряш забубённый. Хариуса научила его ловить, удочку сама для него смастерила, никому не даёт. Вот приедет...

Смотрит на упавшую воду, и мысли переходят к другому. Такого засушливого лета не помнит – трава погорела, все склоны лысые, косить нечего. На три головы как-нибудь накосит, остальных придётся под нож. А коня куда? Без него тут никак.

За полдень рыба брать перестала, и они отправились домой. Там новость: сын Фёдор, предпоследний, удумал стрелять из ушей кедровыми орехами. Засунет по орешине, нос зажмёт и надувается. Одну засунул и вытащить не может. Испугался, блажит. Мать и так и эдак пробовала достать – бесполезно. Изобретатель! – ругается про себя Евгений, прижимая сына к груди, успокаивая. В прошлом году собрался он на медведя. Хорошо, до выхода из дома проверил снаряжение. Сын вытащил из патронов жаканы, зарядил фасолью. Вот бы весело было!

До деревни восемь километров, можно бы на коне, да где его там оставишь? Надо добираться в райцентр, в деревне фельдшерский пункт давно закрыли. Пошли пешком, не привыкать. Зато с автобусом повезло, десяти минут не ждали. Райцентр, где Евгений не был уж года три, удивил оживлением в центре, походившем сейчас на большую базарную площадь. Торгуют с земли, поставив тарные ящики под товар, с лотков, в палатках, в магазинах и магазинчиках, коих насчитал он около трёх десятков. Манило, конечно, зайти, да что толку без денег? Едва осталось на обратную дорогу.

В поликлинике сказали, что доктора, который им нужен, уже нет, будет только завтра и принимает он за деньги.

– Сколько? – вырвалось у Евгения, хотя вопрос не имел смысла. Сколько бы ни было – у него нет.

Вернулись в деревню и тут же поспешали в колхозную контору, может, застанут кого. В приёмной сидела женщина лет сорока, пахнувшая нестерпимо резкими духами, незнакомая. Евгений рассказал про свою беду, больше, как он понял, рассказать некому, в конторе пусто.

– Ну и что? – пожала округлыми плечами секретарша. – Это ваши личные трудности. Он вспомнил, что мужики из деревни жаловались на председателя, будто он на все их вопросы именно так и отвечает.

– Трудовая книжка у меня здесь, так? Значит, я ваш работник. Не платите зарплату, ладно, но хоть раз помогите. Не я же этих чёртовых пчёл уморил. – Трудовая книжка! – сморщилась и повторила. – Ну и что? Вон их сколько, – указала пальцем на сейф за спиной. – Пожалуйста, забирайте. Знает, стерва, что не заберу, гневается Евгений. Так хоть стаж идёт... Секретарша помедлила, потом поднялась со своего места, достала из сейфа пачку трудовых.

– Вот они, все ненужные, лежат. – Открыла одну, вторую. – Негреев помер нынче, Вяхирев...

– Погоди, – остановил её, – какой Негреев, Виктор?

– Он, Иваныч.

– Так ему же пятидесяти ещё не было, не болел вроде.

– А она не спрашивает, прибрался – и всё тут. И книжка вот никому не нужна, дети выросли, пенсию за кормильца хлопотать не нужно.

По её тону выходило так, что главная досада во всём случившемся – эта никому не нужная трудовая книжка – тощая тетрадка в ладонь, всё, что осталось от человека. Евгений уходил, поражённый известием о ранней, неожиданной смерти хорошего знакомого, ставшего вдруг лишним в этой жизни. Похоже, вокруг чересчур много ненужных людей. Лишних.

– Па-ап! – плаксиво тянет Фёдор. – Я теперь так и буду с орехом в ухе ходить? Что они все, мне же больно.

– Не будешь. – Евгений потрепал сына по вихрастой голове, – единственный из всех детей рыжий, в него. – Мясо продадим.

Он уже решил, что забьёт полуторагодовалого бычка, всё одно не прокормить.

– Кому ты его продашь? – по-взрослому сомневается сын.

В километре, чуть больше от дома наткнулись на туристов-матрасников, приехавших на двух дорогих машинах. Расположились они основательно – палатки, кухня, мангал для шашлыка, шезлонги... Всё добротное, яркое, праздничное. Давненько здесь не было туристов, и Евгений понимал это так: бедует народ, не до путешествий. Он, конечно, знал от тех же колыванцев, мужиков из деревни, что происходит в жизни – есть бедные, как он, есть богатые и даже очень, здешний председатель – мелкота по сравнению с ними. Однако думал: для богатых наверняка есть места поинтересней.

Навстречу им выступил один из отдыхающих, высокий, сутуловатый, не толстый, но рыхлый какой-то. Острый животик свисает на трусы невероятных размеров – ниже колен – чересчур яркие для мужского исподнего.

– Хозяин тайги? – кивнул Евгению.

– С хозяином вам лучше не встречаться.

– Угу, – согласился и позвал в лагерь, усадил в шезлонги. – Рассказывай.

– Чего? – не понял Евгений.

– Как живёте, на чём бизнес делаете?

Выслушав простодушное повествование, из которого большая часть ушла на сегодняшний поход, горожанин, назвавшийся Владимиром, плюнул с досадой, сказал непонятное.

– Бред какой-то! По золоту ходят.... – Обернулся в сторону кухни. – Эй, доктор, иди сюда!

У Евгения радостно ёкнуло сердце: с ними врач, помогут! Вышла женщина примерно одних лет с Владимиром – за сорок, – поздоровалась. Осмотрела Фёдора, потрогала за ухом, надавила на козелок.

– Нужно в больницу, у меня нет с собой инструментов.

– Ясно, – подытожил Володя.

Пошёл к машине, достал из неё пузатый портфельчик, напоминающий дамскую сумочку, вытащил несколько купюр крупного достоинства. Пока он всё это проделывал, Евгений опускал голову ниже и ниже. Не возьмёшь, – приказывал себе, не можешь, кто он тебе? И знал уже: возьмёт. А что делать?

– Здесь слишком много, – хрипло произнёс он, с трудом подняв глаза.

– Нормально, – небрежно бросил Володя. – Универсальное решение всех проблем...

Вечером приходи, хочешь – с женой. Песни попоём.

Песни, – тупо повторял про себя Евгений, удаляясь от лагеря отдыхающих. Потом другое пришло и не отступало до самого дома – стыдно. Как стыдно!

Жене приказал:

– Собирай всё, что есть.

Собрала мигом и отправилась. В сумке сливки, творог, молоко, яйца, остаток мяса дикого козла, добытого мужем ещё две недели назад. Вернулась быстро, без печали на лице, как будто даже повеселевшая.

– Хорошие люди, взяли, не кобенились. Поблагодарили. Продукт, говорят чистый и ещё какое-то слово добавили, мудрёное, не разобрала.

– Экологически чистый, – догадался Евгений и поторопился объяснить, чтобы Галина не огорчалась своим незнанием. – Данилыч помешан на этой экологии, все уши прожужжал. Говорит: они вон, – это он про своих заводских, – колбасу магазинную трескают, тушёнку, концентраты, а у меня всё своё, с личного хозяйства. Потому знаю, тут гадости не намешано.

– И что, сидит и трескает отдельно от всех, в одиночку?

– Ага, – с готовностью подтверждает он, хотя точно не знает, так ли на самом деле. И мысленно просит прощения у Данилыча. – Ещё сказал как-то: только здесь теперь жить и можно, все остальные места на земле вредные для здоровья.

Он задумывается, оглядывает пространство, вздыхает.

Вечером идут с Галиной к лагерю городских. Смешно как-то, думают об одном и том же, какие мы им гости! Ни забавы с нас, диких, ни разговора путного. И не отгадали. Были и разговоры, но больше пели. Евгений обалдел, когда Володин спутник, невысокий толстячок, от которого не отходила ни на шаг его чересчур молодая жена, вынес из палатки баян. Чего угодно мог он ожидать у этих мужичков при всём иностранном – от машин до трусов, – только не баян. Пели про устаревший вальс, про девчонок, танцующих на палубе, про эти глаза напротив – те песни, которые Евгений и Галина помнили смолоду. И то сказать – приезжие, за исключением одной, считай, их сверстники. Когда запели «Одинокую гармонь», Евгений чуть не прослезился.

– Запьянел, – шепнула на ухо жена. – Пошли домой.

Но пошли они не скоро, не отпускали, уж больно понравился городским Галинин голос. И Евгений, забывший дома звуки песен, с новым наслаждением открывал для себя давно известное.

– Значит, так, – прощается Володя, – с утречка пораньше приходите сюда, я вас отвезу в деревню до автобуса. Дальше, в райцентр ваш зачуханный не поеду, я тоже имею право на отдых.

– Да что вы, – начал отбиваться Евгений, – и так доберёмся.

– Вот и договорились, утром жду, – отстоял своё Володя. – А нормально управитесь – пойдём хариуса ловить. Научишь?

– Гутен нахт! – пискнула на прощанье девчонка-жена.

– Что это она? – не поняла Галина.

– Уроки с Женькой надо было учить, – улыбнулся Евгений. – Доброй ночи тебе пожелали, по-немецки.

– Это ты у нас пятёрочник, мы там у себя отродясь никакого немецкого не учили. Уроки... С Женькой... А младших, титькой – ты...

Наутро Володя отвёз Евгения с сыном в райцентр. Сам повёл Фёдора к врачу, оставив главу семьи на скамеечке перед входом в поликлинику.

– Я им, если что, самим орешки из мозгов повыковыриваю, – пообещал.

Ещё до полудня были они все, в том числе толстяк со своей юной женой, в усадьбе у Евгения. Володя оказался на редкость дотошным экскурсантом: что растёт, в какие сроки созревает, сколько сена надо корове, сколько коню, почему так спланированы хозяйственные постройки, а не иначе, как продувается долина зимой, где пролегают охотничьи тропы?.. Евгений смотрел на него во все глаза и диву давался: зачем ему?

Увидев Евгению, Володя долго и довольно бесцеремонно разглядывал её, склонив голову набок, затем спросил в своей грубоватой манере:

– И что она тут делает?

– Ничего, – пожал плечами Евгений.

Потом пошли на скалы ловить хариусов. Володя оказался способным учеником и в итоге обловил всех.

– Это как в карты, везёт на новенького, – с некоторой завистью определил ситуацию баянист, поймавший всего одну небольшую рыбку.

– Так и есть, – вроде бы согласился его товарищ, – ты-то у нас на рыбном промысле собаку съел.

– Хи-хи, – сказала молодая жена.

Чуть что – Володя обращался к Евгении, и та поправляла ему снасти, объясняла, показывала. Однако с появлением ярко расцвеченной беззаботной компании особого оживления в ней отец не заметил.

Когда прощались, Володя отвёл Евгения в сторонку.

– Хочешь, я её отсюда вытащу? – Вопрос был задан просто так, вроде и не вопрос. – Приеду домой, подумаю, поищу. Работать будет и учиться, без этого никак.

Сговорились, да? Только ты ей пока ничего не говори, она вон у тебя чуткая какая. Дай месяц, полтора...

Надо же, узрел – чуткая! Евгений обдумать толком не успел, ни да, ни нет не произнёс – а гости уж покатили! Правда, на прощанье Володя ещё одно сказал, так же – чтобы только хозяин слышал.

– Хана вам тут.

* * *

Спустя несколько дней на территорию Евгения ступил председатель колхоза в сопровождении милицейского офицера из района и ещё одного в штатском, представившегося следователем прокуратуры. Из приезжих, отметил Евгений, поскольку тот крутил головой во все стороны и повторял восторженно.

– Курорт!

Выяснилось, совершено вооружённое ограбление колхозного склада. Грабители в масках, с автоматами избили и связали сторожа, затем загрузили в грузовик готовые к отправке панты и скрылись.

– Значит, у меня приехали искать?

– А ты что, святой? – вскинулся председатель.

Следователь попытался смягчить подходы.

– Мы обязаны осмотреть все места, где злоумышленники могли бы укрыть похищенное.

– Осматривайте.

Открыл настежь все ворота, двери, сам встал в сторонке.

– Дармоеды! – гудит председатель, тыча вилами в недавно смётанное под навесом сено. – Сидят на моей шее!

Евгений спросил у следователя, во что оценивается украденное, и ушам своим не поверил, когда назвали сумму. Хотя и знал: панты – товар валютный, дорогой.

– Серьёзно тебя нагрели, – сказал председателю, не сдержался.

– Меня? – Лицо того пошло бордовыми медежами.

– А кого ж ещё? – Евгения понесло. – Скажи вот при людях, правда ли, что половина колхозной отары – твоя, стадо – твоё, все новые дома в деревне – твои... Маральник твой – про то все знают.

– Ладно, пошли, – заторопился милицейский чин, отводя глаза.

– Дармоеды! – ругается председатель уходя. – Курортники! Вам тут не жить, попомните, ссажу с моей земли!

– Вот-вот! – кричит вдогонку Евгений. – И земля уже твоя!.. Не там воров ищите!

Галина стоит растерянная, напуганная, глаза полны слёз. Она не знает своего тихого и доброго мужа таким.

– Что ты делаешь, Женя, ведь вправду погонят, куда пойдём? Дети малые.

И он сник, не зная, что сказать, как успокоить.

* * *

Пришло время отправлять младшую дочь Ольгу, перешедшую в восьмой класс, в лагерь труда и отдыха. Что это такое – Евгений толком не знал, но радовался возможности побывать ребёнку хоть где-то, подальше от дома. В последнее время что-то разладилось, каждый из детей проводил дни сам по себе, и он думал, что виной тому тяжёлая тоска Евгении, наводившая порой на родителей самую настоящую панику. Заразная, видать, эта штука – тоска.

А вскоре приехали камнерезы, на этот раз одной машиной, втроем. Серёги с ними не было.

– День всего побудем, – с грустью сказал Данилыч. – Мелочовки наберём – и назад.

Крупных заказов нет и пока не предвидится. Никому ничего не надо, работы нет, народ разбегается.

А Серёга? Серёга уехал к себе на Урал. Помаялся, попробовал начать своё дело – ничего не вышло.

Лучше б не приезжали, думает Евгений, глядя на дочь, у которой бирюза в глазах потемнела, утратила прозрачность – точь-в-точь Коргон в ненастный день.

А спустя три дня Евгения исчезла.

Отец нашёл её через сутки. Много раз проходил берегом мимо этого места, и лишь когда солнце осветило его, пробив бирюзовую толщу воды, – увидел. Тело зажато подводными камнями на глубине больше трёх метров. Жёлтое платье в красных цветах – оно помогло заметить. Он стоял окаменевший среди камней, повторял, трудно размыкая губы, одно и то же: что ты наделала, доченька! Потом

опустился на четвереньки, вцепившись в побитый временем и водой обомшелый валун и завыл. Страшный глас пронёсся по ущелью, нечеловечий.

Может, час прошёл, может, два – Евгений никогда знать этого не будет... Багор был с ним, но цеплять дочь крюком он не стал. Стянул одежду, нырнул. Мощные струи не дали ему опуститься до дна, выкинули на поверхность, утащили далеко. Вернулся и снова нырнул – результат тот же. Третий раз, четвёртый, пятый – не подпускает река к дочери, выхватывает течением из глубины, бьёт о камни. Вот уже руки и ноги онемели от ледяной воды. Тогда обмотал верёвкой тяжёлый, угловатый камень, привязал его к руке, в свободной зажал нож и кинулся в воду. На этот раз получилось. Под водой едва успел – чуть не лопнули лёгкие – выдернуть Евгению из-под камней, перерезать верёвки на своей руке и её. Дочь сделала всё точно так же, даже узел завязала его, удавный, сам когда-то научил... Положил Евгению на камни, прижался лицом к холодному телу и зарыдал, причитая.

– Доченька моя! Кровиночка! Сердце моё!

Потом долго решал, нести Евгению домой или нет. Решил. Вором прокрался к собственному сараю, чтобы взять инструмент.

Могилу выкопал ниже по течению, на ровной полянке, недалеко от кряжистой лиственницы. Мог бы удивляться – удивился б, как легко поддавалась земля, и куда девались камни, которые даже на его огороде – копанном перекопанном – каждый год всё новые поднимались из недр на поверхность.

– Ночь-полночь, что там можно увидеть? – встретила его жена, а подняв глаза, охнула и опустилась на табурет. – Нашёл!

– Нет, – сказал и повернулся, чтобы выйти.

– Врёшь! Нашёл ведь! Посмотри на себя... Женя утопилась, я знаю, – зачастила она, всхлипывая. – Говори, где, сейчас же говори, не стой истуканом!

– Нет, – повторил он твёрдо.

Галина перевела дух, сжалась вся, подобралась.

– Ты нашёл, только не хочешь пугать меня, детей. Хорошо, детям не скажем... Ольга в лагере... Но я-то мать, ты не можешь... Я тебе всю жизнь не прощу...

– Нет.

Тогда она подскочила к нему, стала колотить по спине, таскать за волосы, рвать на нём куртку.

– Женечка! Кому ты врёшь! Я же тебя знаю! Тут сейчас не то, что деревня – вся округа бы с факелами по тайге да берегами ходила. Дал бы ты спать кому! Не ври мне, говори! – Она как-то разом поникла, с трудом добралась до табурета. – О, Господи! Женя – Женечка!

И он сдался. Взяли железнодорожный фонарь, подаренный Данилычем, пошли.

* * *

Прошло две недели. Евгений с Галиной заготавливают сено, собирая крохи по окрестным низинкам, управляют в огороде, со скотиной. Всё молча. Фёдору и самому младшему сказали, что Евгения передала через знакомых, будто поехала устраиваться в город. Но дети чувствуют неладное, ходят пришибленные, тоже всё больше молчат. Каждый день Евгений с женой бывают на могилке, куда он прикатил большой валун красного коргонского порфира. Рядом положил окатыш поменьше – античная яшма...

Отец отправился в деревню встречать из лагеря Ольгу. Она всё время забегает вперёд, трещит без умолку. Голенастая, загорелая, волосы совсем выцвели на солнце.

– Мы сегодня не спали совсем, костёр жгли. Вожатые нам всё разрешили. Первый отряд салата наготовил – ну, ночь же, есть все хотят... А Рыбкин говорит: я картошки хочу. Обжора! К утру мальчишки улеглись на чуть-чуть – мы их зубной пастой вымазали, а после – они нас. Я Рыбкина вымазала...

Внезапно Евгений остановился. Постоял немного как бы в задумчивости и начал, заваливаясь на бок, падать. Прележал без сознания всего несколько секунд и тут же приподнялся, сел, тяжело опираясь на землю. Тряхнул головой, будто морок какой отогнал, посмотрел перед собой прояснившимися глазами. Вернулось слышанное от дочери вполуха – Рыбкин... Он обхватил голову руками и зашёлся в тяжёлых рыданиях.

– Оленька!.. Женечка!.. Детки мои!..